

Рисунок Юрия Анненкова, 1921 г.

Ирина Одоветцева

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Всего календарь - 1994 - 29 окт. с. 5.

Волшебное слово Георгий Иванова

То, что было, и то, что не было,
То, что ждали мы, то, что не ждем,
Просияло в холодное небо,
Прожумело коротким дождем.

Г. Иванов

Запретный автор

С поэтами Серебряного века я познакомился рано, в конце 40-х годов еще в школе (но, разумеется, не по школьной программе). С Георгием Ивановым — много позже, когда попал мне в руки перепечатанный на машинке сборник стихов «Самиздатский» сборник дал мне «посмотреть» на ночь мой знакомый любитель поэзии. Я точно помню тот день: 22 мая 1980 года. Я читал стихи заповедно, потом почти все переписал от руки и некоторые выучил наизусть. В стихах Георгия Иванова была особая магия — красота, музыкальность и безмерная, бездонная грусть.

Зачем же тогда веселее зноем вино
И женские губы целуют хмельней

При мысли, что вскоре рассядутся
нам суждено

Летуче пылью, дождем,
колыбелью ветвей.

На дворе стояла затхлая эпоха Брежнева, разлагающегося номенклатурного социализма. Интеллигенты шли в дворники, диссидентствовали, спивались.

Можно себе представить, какое созвучие обрели строки Георгия Иванова в душе у меня в тот душный период литературных запретов и табу: нельзя прочитать, нельзя написать это.

Грустно, друг. Все слаще, все нежнее
Ветер с моря. Слабый звездный свет.
Грустно, друг. И тем еще грустнее,
Что надежды больше нет.

В январе 1982 года для журнала «Отчина», который вроде бы считался мостиком между советским народом и русской эмиграцией на Западе, я сделал небольшой материал «Вернуться в Россию — стихи», в котором привел строки Георгия Иванова. Поэт писал о том, как он заканчивает «земное хождение»:

Хождение по мукам, что видел во сне —
С изгнанием, любовью к тебе и грехам.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию —
стихами.

Заметки застряли. Летят недели — никакого отклика. Знакомый редактор по секрету сообщил: послала наверх, в КГБ материал извучат... «Изучили» — заметки не увидели свет. И неудивительно: Георгий Иванов был истинный антисоветчик.

Россия, Россия «рабоче-крестьянская» —
И как не отчаяться! —
Едва началось твое счастье цыганское,
И вот уж кончается.

Деревни голодные, степи бесплодные...
И лед твой не тронется —
Едва поднялось твое солнце холодное,
И вот уже клонится.

Эти строки Георгия Иванова написал в 1930 году, введя за «годом великого перелома». Он испытывал настоящее отращение к сталинскому режиму, к партийным волеям:

Какие отвратительные рожи,
Кривые рты, неслладные тела:
Вот Молотов, Вот Берия, похожий
На вурдалака, ждущего кола.

В ненависти к большевикам поэту изменил даже его тонкий вкус, и он скатывался на откровенную филиппику.

Итак, попытка «обнародовать» Георгия Иванова в те годы провалилась. Я, конечно, расстроился и сделал для себя «запас» в виде рукописи о поэте Серебряного века, куда вписал многие его стихи, ведь достать книгу Георгия Иванова тогда было несбыточной мечтой.

А затем в нашу страну пришла очередная оттепель, горбачевская перестройка. В Россию вернулись десятки имен деятелей русской культуры. Был издан и Георгий Иванов. А осенью этого года к 100-летию со дня рождения появилось и трехтомное собрание его сочинений.

Ну что ж, слава Богу. Дожили наконец!..

Поэт делает страдание

Георгий Владимирович Иванов родился 29 октября (11 ноября) 1894 года в Студенках Ковенской губернии на границе с Польшей в семье потомственного военного. Отец — полковник артиллерист в отставке. Мать из родовитой голландской семьи баронесса ван Бранштейн (из-за нее поэт в молодые годы звали «браншей»).
Как и у Блока, у Георгия Иванова детство было поистине золотое: живописное имение с великолепным парком и прудами, любящие родители, комфортный быт, частые приемы, музыкальные вечера, пижники и фейерверки. А потом все рухнуло. Имение сгорело, отец покинул жизнь самодурством.

По семейной традиции Георгий Иванов избрал военное поприще: поступил во второй кадетский корпус в Петербурге, но курс не закончил. Юного кадета увлекла поэзия.

«Осенью 1909 года Георгий Чулков привел меня к Блоку, — вспоминал Георгий Иванов. — Мне только что исполнилось пятнадцать лет. На мне был кадетский мундир. Тетрадку моих стихов прочел Чулков и стал мной литературным покровителем». Блок отнесся к стихам начинающего поэта с бережным вниманием. Перед Блоком Георгий Иванов благоговел.

Это зван бубенцов издалека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющей пыли снегу.

Первые поэтические шаги Георгия Иванова отмечены явным подражательством Михаилу Кузмину, которому он подражал и во внешности, Игорю Северянину, Анне Ахматовой. Его стихи ранней поры чересчур литературны и представляют собой некие изысканные лирические импровизации, в которых — ментальный пастух, Диана, Хлоя, а также кульдовые сцены: брызги фонтана, небосвод светлеящего сада, лика и прочий набор романтических мечтаний и грёз.

Во всем этом чувствуется поиск своего места в поэзии, не случайно, что Георгий Иванов примыкает то к одному направлению, то к другому.

Вначале его привлек звонкий ого-футуризм, но, как сам признавался поэт: «Из моего футуризма ничего не вышло. Вкус к писанию лиловых «шедевров» у меня быстро прошел». Затем он выступает в ряды акмеистов. Его собратьями по литературному цеху становятся Гумилев, Городецкий, Ахматова, Мандельштам, Нарбут, Зенкевич...

Георгий Иванов — участник столичной жизни, завсегдатя «Бродячей собаки», самого популярного литературного кафе довоенных лет. Вино, женщины, споры, неумные фантазии...

Над розовым морем вставала луна,
Во льду зелена бутылка вина
И томно кружились влюбленные пары
Под жалобный рокот гаванской гитары.

Эти строки Георгия Иванова стали словами одной из песенок Александра Вертинского. Все, что пишет Георгий Иванов, изящно и красиво. Гумилев отмечает «безусловный вкус», «неожиданность тем и какую-то трагизацию «глуповатость» в той мере, в какой ее требовал Пушкин» (журнал «Аполлон», 1912). Талант, ум и вкус в стихах Георгия Иванова выделял и Блок. Общее мнение о раннем Георгии Иванове, пожалуй, подытожил внимательный летописец времени Корней Чуковский: «Какой хороший поэт Георгий Иванов, но послал бы ему Господь Бог простого человеческого горя, авось бы в его поэзии почувствовалась душа».

Друг Георгия Иванова Георгий Адамович (их, кстати, обоих звали Жоржиками) писал о том же: «Разве только случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встреча, вроде большого и настоящего горя, несчастья».

Поломаный расклад

И Корней Чуковский, и Адамович исходили из старой формулы: поэт делает страдание. А коли его нет, то нет и истинной поэзии. Горе и страдание пришло вместе с революцией в октябре 1917 года, и почти всех оно коснулось сразу. Гумилев был расстрелян. Блок задыхнулся в бездушной атмосфере. А вот Георгий Иванов как-то сразу и не почувствовал особых перемен. Пять лет он прожил в советской России, сотрудничал со многими петроградскими журналами, работал в издательстве «Всемирная литература», много переводил. В 1921 году вышла его третья книга стихов «Сад», крохотная книжечка маленьким тиражом в обложке Мстислава Добужинского.

Глядит печаль огромными глазами
На золото осенних тополей,
На первый треугольник журавлей,
И захватывает слабыми крылами.
Малиновка моя, не улети!

Зачем тебе Алжир, зачем Китай?
Вместе с Георгием Адамовичем он возглавляет Вторую Цех поэтов, вокруг которого группируется талантливая постакимеистическая молодежь: Ирина Одоветцева, Всеволод Рождественский, Сергей Нельдихин и другие.

В стране голод, холод, разруха, а остатки «недорезанной» интеллигенции собираются, чтобы познакомиться с классикой, узнать и новые веяния в литературе. Ада Оношкович-Яцна, по старому курсистка, записывает в дневнике 2 августа 1920 года об одном семинарском занятии: «... За столом Чуковский, Паст, Волынский, Гумилев, Оцуп, Георгий Иванов, Полонская. А у окна в большом и тяжелом, как он сам, кресле — Лозинский читает свой перевод «Эрминий».

Семинаристы, будущие поэты и поэтессы в восторге от мэтра Гумилева. Георгий Иванов в сравнении с ним явно проигрывает. Язвительная Оношкович-Яцна пишет, что Иванов — «низкоколотый, шепелявый, желте поппи, истый, какой-то не внушающий доверия». Высоковичкам слишком больно угождать, Георгий Иванов читает свои совсем женские, неожиданно приятные стихи: «Прощай, мой друг! Не позабудь, мой друг!».

Георгий Иванов — не Бальмонт, не Андрей Белый, не сердцевед, как они, но об этом чуть позже. А сейчас приведем важную, хотя и весьма субъективную характеристику сил в российской поэзии в начале 20-х. Владимир Ходасевич 27 августа 1921 года писал Владимиру Лидину: «... Знаете ли, что в живых, т.е. таких, чтобы можно еще написать новое, осталось в России три стихотворца: Белый, Ахматова да — простите — я. Бальмонт, Брюсов, Солуб, Вяч. Иванов — ни звука к себе не прибавляют. Липскеровы, Г. Ивановы, Мандельштамы, Лозинские и т.д. — все это «маленькие собачки», которые, по словословицу, «до старости щенки». Футур-спекулянт просто не в счет. Вот вам и все. Это грустно...».

Время и судьба поломали этот «расклад». Одни поэты остались в стране и даже стали певцами революции, как, скажем, Маяковский и Брюсов. Другие, как Мандельштам, постепенно ушли в глухую оппозицию и вскоре ввали в немилость. Многие уехали за границу и тем самым сохранили себя для жизни и поэзии. Уехали и Георгий Иванов.

«1922 году, осень. Послезавтра я уезжаю за границу. Иду к Ахматовой — проститься. Летний сад шумит уже по-осеннему. Инженерный замок в красном цвете заката. Как пусто! Как тревожно! Прощай, Петербург...» (Г. Иванов, «Петербургские зимы»).

Ее звали Ирина Одоветцева

В сентябре 1921 года Ирина Одоветцева стала женой Георгия Иванова. «Как это странно, — рассказывала она, — меня «открыл» не мой учитель

Гумилев, а Георгий Иванов. Произошло это, важно в моей жизни событие, 30-го апреля 1920 года.

На правах «начинающей поэтессы» Одоветцева прочитала «Балладу о толченом стекле». Гумилев на нее никак не прореагировал, а Иванов сразу заинтересовался: «Это вы написали? Действительно вы? Вы сами?».

Через год с небольшим «маленькая поэтесса с огромным баяном» (так шутил, представляла себя однажды в стихах Одоветцева) стала женой Георгия Иванова. Это был его второй брак, первый — с актрисой и танцовщицей театра Мейерхольда — был неудачен, они быстро растались без драм и скандалов. Были у Георгия Иванова другие увлечения, но можно с полным основанием сказать, что в его жизни была всего лишь одна женщина, одна любимая — это Ирина Одоветцева, которой он посвятил сборник своих стихов «Портрет без сходства» и множество отдельных стихотворений.

И даже вспоминать не смею,
Какой прелестью ты была...
С большой ослепкой сирени,
Вся в белом, в белых башмачках,
Как за тобой струились тени,
И ветра ласковый размах
Играл твоими волосами
И теребил огромный бант...

Это была ЕГО женщина, одна из сотни, тысячи встретившихся.

Никакого мне не нужно рая,
Никакая мне не страшна гроза —
Волосы твои перебирая,
Все глядел бы в милье глаза.

Сней было легко. Это была светлая женщина по природе своей ауры, хотя и избалованная, аристократически нежна и капризна одновременно. Ей чуждо было уныние, и она не терпела его в других. Ее интересовало все: красивые туалеты, женские разговоры, романы, книги. Она умела быть счастливой — и это тоже особый дар — и всегда говорила: «Возраста не существует».

При всем при этом она была необычно сильна и тверда духом, и она, а не Георгий Иванов, играла первую скрипку в семейном дуэте, проявляла и хватку, и практицизм в делах житейских. Увы, мужчины-поэты подчас слабы в вопросах быта, их удел — витать в эмпиреях, глядеться в космические дали.

Георгий Иванов и Ирина Одоветцева прожили вместе 37 лет. Их жизнь, по словам Одоветцевой, «мало походила на то, что принято называть супружеской...» Во-первых, нестабильный эмигрантский быт со всеми его резкими перепадами. Во-вторых, два пишущих человека, стало быть, два медведя в одной берлоге, что тоже накладывает всегда свой отпечаток на взаимоотношения супругов (печальный пример тому Николай Гумилев и Анна Ахматова). В-третьих, своя внутренняя пружина, связывающая их брак, о которой мало известно, по крайней мере в своих воспоминаниях Одоветцева не прогнозировала. Вместе 37 лет — конечно, это не всегда чистый небосклон.

А знаешь, однажды мы чуть не развелись... — признавалась как-то Ирина Одоветцева своему старшему сыну Кириллу Полянскому. — Влюбился в меня один богатый, красивый, хороший человек. Знал, как мне нелегко живя, и предложил руку и сердце. Но поставил условие, чтобы Жорж дал мне официальный развод. Словом, соблазнительно. Я рассказывала Жоржу, он лишь ответил: «Ладно». Я не спала две ночи. Наконец Жорж приносит мне оформленный развод. Я его беру и рву на мелкие кусочки.

Итак, очевидно, не единственный случай. Ходасевич в одном из писем 8 апреля 1938 года — обронил такую фразу об Одоветцевой: «Георгий Иванов она отравила «куда-то в деревню», по-видимому — очередная ссылка».

И сколько было таких разлучных сылок? И каково это все любящему поэту?

Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш,
Веточка, царпинка, снежинка, румечек.
Нежности последыш, непелюсты

приемись,
спросонок,
В одеяльной одуре, в подушечной
глуши,
Белочка, метелочка, косточка, утеноч,
Леточкой, веревочкой, чулочком
задуши.

Отзовись, пожалуйста. Да нет — не отзовись.

Ну и делать нечего. Проживем и так.
Из огня да в полымя. Где тонко,
там и рвется.

Палочка-стучалочка, полшучка-четвертая.
Так писал Георгий Иванов в одном из стихотворений, посвященном Одоветцевой.

Из огня да в полымя. Покинув Россию, Георгий Иванов и Одоветцева жили сначала в Берлине. Потом перебрались в Париж. Поначалу все складывалось неплохо. У отца Ирины Одоветцевой был доходный дом в Риге, и он ежемесячно присылал им по пять тысяч франков. Сумма по тем временам огромная. Она позволяла нанять супругам квартиру в феешенельном квартале Парижа и вести светский образ жизни: свой лакей, приемы, гости.

Когда началась война, Иванов и Одоветцева перебрались на юг, в Беарриц, где у них была вилла. Но вскоре жизнь на широкую ногу кончилась: вилла была разрушена при бомбардировке, реквизирован дом в Огрте, украли все золото, купленное после получения наследства. Пришлось перебраться в Париж и поселиться в гостинице

«Англетер» в Латинском квартале. Денег не было. Стихи никто не покупал. Попытка писать для Голливуда так и осталась попыткой. Иванов и Одоветцева оказались на грани черной нужды. И уже не «Англетер», а крохотная квартирка в Монморанси, в предместье французской столицы.

О тех трудных послевоенных годах вспоминает Кирилл Полянский:

«Однажды приезжаю, звоню. Никто не открывает. Я рванул дверь... Ставки закрыты. Оба на кроватках. Жорж, хриплым голосом: — У нас грипп... Мы два дня ничего не ели. Сбежал в лавочку, купи хлеба и немного сыра. Я купил, принес... На следующее утро ко мне входит Жорж: — Кирилл, ради Бога, несколько франков... Ирина больна, лежит, надо купить лекарство...»

«Не это ли отчаянное положение рождало отчаянные строки: Я не знал никогда ни любви, ни участия. Объясни, что такое хваленое счастье, О котором поэты толкуют века?.. И заключительная строка: Ледяное, волшебное слово: Тоска. Дата стихотворения: 1950 год.

Конечно, не все было мрачно. Случались и просветы. Радость приносила работа. Георгий Иванов и Адамович были очень авторитетны среди литераторов эмиграции. Они были влиятельными членами русского Монпарнаса, создали особый стиль («парижскую ноту», как тогда говорили), объединили многих молодых писателей и поэтов тех лет. Георгий Иванов помогал талантливому поэту Борису Полянскому. «Открыл» поэта Владимира Смоленского. Оказал поддержку и многим другим.

Но, как известно, другим помогать легче, чем самому себе. К тому же Георгий Иванов был мало приспособлен к добыванию денег, и в трудные времена они жили преимущественно на гонорары от рассказов и романов Одоветцевой.

Одоветцева рассказывает о том, как была написана ее книга «Оставь надежду навсегда»: «Георгий Иванов уже придумал содержание и решил, что я буду писать только о молодой героине, а он берет на себя всю политическую часть. С работой я справилась очень быстро, где-то за неделю... Время шло, а Георгий Иванов каждую вечер читал мне все один и те же написанные им первые страницы. Я терпеливо слушала. Однажды я не выдержала и сказала: — Послушай, довольно. Так ты будешь писать бесконечно, а нам необходимо закончить книгу как можно скорее. Я напишу за тебя.

Он страшно изумился: — Как ты? Смешно... В эту неделю я кончила книгу... С этого момента он наконец поверил в меня как в писателя... Да, в отличие от Гумилева (ни дня без строчки)

Георгий Иванов писал только во вдохновению. Вставал не раньше 12 часов, любил читать детективные романы (не меньше одного в день). Не торопился и вообще не выносил судорожного ритма работы. Был он умным и насмешливым. Читая его стихи, может показаться, что он был злым. «Нет, не злой, — отвечала в одном из интервью Ирина Одоветцева, — он был очень добрый человек, но на язык злой. Пессимист. Очень остроумный. Как-то спорил он о политике с Керенским. Спорили они, спорили, а Керенский вдруг остановился против Георгия Иванова, тыча в него пальцем, говорит: «С такими взглядами вы никогда не будете править Россией».

Георгий Иванов всплеснул руками: «Ах, господи, неужели не буду, а я так надеялся». Одоветцева вспоминает, что Георгий Иванов тяжело переживал разлуку с Россией. Никогда не ездил, не желал путешествовать, из французских писателей читал одно лишь Стендаля.

А из новой России шли тяжелые вести о репрессиях, о лагерях, о гибели многих писателей и поэтов. Особенно тяжело переживал Георгий Иванов гибель Мандельштама, друга своей юности. Отсюда его строки: Мне больше не страшно. Мне темно. Я медленно в пропасть лезу И вавшей России не помню И помнить ее не хочу...

Поэт действительно летел в пропасть. В 1955 году Иванову и Одоветцевой с трудом удалось устроиться в «старческий дом» в Иере на юге Франции, где впервые за последние годы они оказались в нормальных человеческих условиях.

«Мы приехали туда зимой, — рассказывала Ирина Одоветцева, — цвели розы, было красиво, но когда наступила весна, выяснилось, что Георгий Иванов, у которого было повышенное давление, не подходит этот климат. Ему становилось хуже и хуже, я стала писать в Париж в нашу эмигрантскую колонию с просьбой помочь нам перебраться в другое место, но мне отвечали, что Георгий Иванов просто капризничает... Тогда он впал в депрессию, болел, и никто нам не помог. До сих пор я не могу простить себе, что на моих глазах умирал человек только из-за климата и я ничего не могла для него сделать...»

«Но, умирая, — вспоминала дальняя Одоветцева, — он страдал из-за меня, ему казалось, что он своим резким суждением о СССР обреч меня на вечное изгнание. Он написал два завещания: одно — эмигрантской колонии, другое — в Советский Союз, где писал, что я всегда хотела вернуться домой, но не могла из-за него, из-за его взглядов, которые никогда не разделяла. Я порвала оба завещания...»

Здоровье Георгия Иванова все ухудшалось, стало сдавать сердце. Он умер 27 августа 1958 года, немного не дожив до 64 лет. Скончался на больничной койке, чего больше всего боялся.

Написанный Георгием Ивановым «Посмертный дневник» — один из самых пронзительных документов, отечаненных в великодушных стихах. Его пугал ужас смерти, но при этом он не пытался спорить с неумолимым роком, понимая весь жалкий удел маленького человека перед необъятным космосом.

Но в блоке августовского дня Мне хочется немножко нежности От ненавидящих меня.

Других желаний уже не было... Георгий Иванов умер, а Ирина Одоветцева перебралась в дом под Парижем, где прожила 20 лет, а потом в 1987 году — спустя 66 лет — вернулась на родину. По возвращении она дала несколько интервью. На вопрос корреспондента «Огонька»: «Ирина Владимировна, наверное, с Георгием Ивановым вы прожили самые счастливые свои годы?» ответила так: «Нет, почему же? Я была много раз счастлива и после смерти Георгия Иванова...»

В этом еще раз проявилось ее отличие от поэта: он с печалью смотрел на окружающий его мир, горько переживая все его несправедливости, а Одоветцева была натурой светлой и оптимистической, поэтому она и в 90 лет признавала: «С восхищением живу». И это было не кокетство.

«Стихи и звезды остаются»

Трудно не согласиться с художником Юрием Анненковым, который отмечал, что Георгий Иванов «прошел ряд «измов» и нашел (особенно в годы эмиграции) самого себя. Он встал вне течений, вне школ. Он — просто Георгий Иванов».

Стихи Георгия Иванова завораживают и вместе с тем ошеломляют своей изысканностью и правдой, а более того, выстраданностью. Вы только вслушайтесь в их ритмику и в горький космизм: Приближается звездная вечность, Рассыпается пылью гранит, Бесконечность, одна бесконечность

В леденящем мире звенит... Прозвучительно звучит у Георгия Иванова мотив неубывающей, обреченности, невозможности что-либо изменить.

Все равно — не протягивай руки,
Все равно — ничего не спасти.
Только синие волны разлику,
Только синее слово «прости».

И рассеется дым паровоза,
И плеснет, иссядет, весло...
Только вечность, как черная роза,
В мире своем вспыхнет эло.

Мы — с вами, воспитанные на формулах «Человек — это звучит гордо!», «Человек создан для счастья, как птица для полета» и прочих, бываем в недоумении: как это нет надежды? И только в последние годы потрясенные некоторые из нас уразумели, что парус надежды не всегда можно разглядеть в бушующем море. Но «мы-то, слава Богу, живем на родине, а каково было Георгию Иванову, оторванному от нее?»

Горсть любуется лунным пейзажем,
Смерть, как парус, шумит за кормой...
Никому ни о чем не рассказывай,
Никогда не вернемся домой.

Удивительны стихи Георгия Иванова — последнего поэта Серебряного века. Некоторые из них саркастичны и язвительны и перекликаются с Сашей Черным. По крайней мере он так же, как и Саша Черный, патологически ненавидел дураков. Его возмущала

суворого идюта,
Природой созданная зря —
«Урра!» из писти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря.

Лирика Георгия Иванова — это нервическая балансировка от пафоса к иронии, от проклятия к примирению, от отчаяния к надежде. Иногда это крик. Иногда беззвучная мольба.

Его «Посмертный дневник» — это реквием, мощнейший по музыке, шедевральный — по духу. Если ты, читатель, человек мужественный, прочти его, и печаль возымеет тебя. Ну а если расположен к переживаниям, то лучше прочитай воспоминания Георгия Иванова «Петербургские зимы» — они заманчивы, остроумны и искривлены. Хотя по фактологичности не совсем точны.

Ошеломительно впечатление производит книга «Распад атома», написанная Георгием Ивановым в 1938 году. Одна лишь фраза: «О, это русское, колоссальное, зыблещееся, музыкальное, оранирующее сознание...»

Книга эта была многими, в том числе Набоковым и Ходасевичем, встречена в штыки: слишком убогий распад человеческой личности и будущие мировые катастрофы. Сие писание, как говорится, на крепкие нервы.

Отдавая дань Георгию Иванову — мемуаристу и прозаику, лично я выделяю его как бесподобного поэта. Как замечательно он определил суть творчества:

А что такое вдохновение?
— Так... Трудянданно, слегка
Слияньем, чуждым
Божественного ветрака.
Над кипарисом в сонном парке
Взмахнут крылами Азраил —
И Тютчев пишет без помарки:
«Оратор римский говорил...»

Цитировать любимого поэта можно бесконечно. И «Паспорт мой горю когда-то в буреломе русских бед...», и «Облетают белила, тускнеют румяна, догорают заря, отступают моря...», и «Мы не молоды. Но и не старые. Мы не мертвые. И не живые...». «Мне весна ничего не сказала — не могла. Может быть — не нашлась». И так далее.

Сегодня мы с вами живем в отчаянное время, в период крушения империи, слома общественного сознания, когда на каждом шагу кричит и воплет человеческая боль, когда торжествует не только мировое зло, но и обычное заурядное индивидуальное хамство, и как от всего этого не отчаяться, не потерять душевное равновесие?.. Но я беру с полки том Георгия Иванова. И он меня успокаивает.

Главное, не надо суетиться, дергаться, излишне рефлексировать. В конце концов, как сказал поэт:

Стихи и звезды остаются,
А остальное — все равно.

100 лет со дня рождения Георгия Владимировича Иванова. Вспомним его с благодарностью.